

КРОКОДИЛ →

Сядь
на
Знарок
в
Самолет
к
пухляку

А В И А Ц И И

К
Р
О
К
О
Д
И
Л

**ВОЗДУШНЫЙ
ДЕСАНТ**

Рис. Ю. Ганфа

— Караул! „Крокодил“ атакует сверху! Скорей надевайте маски!

Ю. Ганфа 33

КРОКОДИЛ

А В И А Ц И И

СОДЕРЖАНИЕ

- Вас. Лебедев-Кумач**—
Стихи не на тему.
- М. Е. Салтыков-Щедрин**—
Драма в Кашинском окружном суде.
- Ари. Бухов**—
История четырех островов.
Иллюстр. Л. Бродаты.
- А. д'Антиль**—
Песня про Наташу Гребневу.
- Бен-Гали**—
Защитник.
- Арго**—
Наци — Барбаросса
- Вас. Лебедев-Кумач**—
19.000 метров.
- Я. Бельский**—
Как мы летали.
Иллюстр. К. Ротова.
- В. Воинов**—
Соловей.
- В. Ардов**—
Научный рассказ.
- В. Катаев**—
Соня Бузулук.
- И. Ильф и Евг. Петров**—
Счастливые стелс.
Иллюстр. А. Радакова.

Политические мелочи, эпиграммы и пр.
Абраго, А. Бухова, В. Лебедева-Кумача, М. Пустынина и др.

Рисунки — **Л. Бродаты, Ю. Ганфа, К. Елисева, Кукрыники, А. Радакова, К. Ротова и А. Топикова.**

Темы — **И. Абрамского, Я. Бельского, А. Бухова, М. Глушкова и др.**

СТИХИ НЕ НА ТЕМУ

Я мыслить образом привык с ребячьих лет.
Не трогает меня газетный жирный лозунг,
Пока не вспыхнет жизнь сквозь полосы газет
И не заплещет стих под каждой строчкой
прозы.

Я разумом пойму любой сухой доклад,
Но соль не в этом... Вы меня простите, —
Ведь разум — он всегда немножко бюрократ,
А сердце — милый и растерянный проситель...

И чтобы жизнь без промаха творить,
Чтоб труд был радостен, — порою очень надо
Пошире дверь для сердца отворить
И написать: „Входите без доклада!“

Коль сердца стук по искреннему част, —
Легко и разуму владеть метором воли,
Ведь только так растет энтузиаст...
Энтузиаст без сердца — не смешно ли?

Я вижу наш большой и радостный Союз,
Такой огромный, что над ним висит полнеба.
Он — как в тумане. Честно признаюсь —
Я в тысячной его частичке не был.

Но те места, где я в былые дни
Бродил и жил зимой и в полдень летний,
Я вижу так, как будто — вот они
Передо мной мелькают в киноленте.

Ничтожно мал пунктир моих следов,
Но даже в этом маленьком пунктире
Так много милых сердцу городов,
Людей и дел, неповторимых в мире!

Все полно бодростью моей большой страны, —
Простор степей, как ожиданье долгих,
И ветки подмосковной бузины,
Казбека снег и рыбный запах Волги.

Перед Россией — старой и чужой. —
Я страх испытывал, приниженный и детский.
Теперь любовью нежной и большой
Я полон к звонкой родине советской.

Люблю я волосы густых ее лесов
И груди гор, и бедра плоскогорий,
И уши пропастей, и пальцы островов,
И платья из полей с каемкою из моря.

В ее дыханьи — запахи земли
И крепкий ритм осмысленной работы,
И вздох ее колышет корабли
И поднимает в воздух самолеты.

На целый мир она свой гимн поет,
И звонкий голос никогда не смолкнет.
С улыбкой отирающая пот
Веселая, большая комсомолка!

Стихи — не кончены... А в окна смотрит ночь.
Вот время чортово — летит быстрее АНТ'а...
Во сне смеется маленькая дочь,
И в волосах забытый хвостик банта.

Все спит кругом. И мне бы надо спать,
Но я свой сон за рифмой проверонил,
И не сумел ни строчки написать
О будущей войне и обороне.

А я ведь обещал. И знают все друзья,
Что я на редкость аккуратный автор...
И ясно-ясно представляю я
Свой труд и путь в уже наставшем „завтра“.

Протяжный крик недремлющих гудков,
Проснувшийся большой и дружный город,
Звонки трамваев, гул грузовиков
И холодок, струящийся за ворот.

Редакция. Пожатая крепких рук.
И пробной шутки выстрел ощутимый,
Листы газет — и тем огромный круг,
И труд, порой тяжелый, но любимый...

Не летчик я, не снайпер, не герой, —
И не сумел сказать про оборону,
Но в миг любой я встать готов горой
За наш Союз.

Пусть только тронут!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

ДРАМА В КАШИНСКОМ ОКРУЖНОМ СУДЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Иван Иванович
Подсудимый Иван Хворов
Жандарм Тарара
Прокурор, адвокаты.

Сцена представляет залу заседаний, свойственную кашинско-белозерско-устюженскому суду.

ИВАН ИВАНЫЧ: — Подсудимый Иван Хворов! Расскажите, что вам известно по настоящему делу?

(Подсудимый делает чрезмерные усилия, чтоб ответить, но ничем не может выразить свою готовность, кроме чуть заметного движения хвостом).

ИВАН ИВАНЫЧ (не понимая): — Я должен заметить вам, подсудимый, что чем больше вы будете упорствовать... (Петр Иванович высовывается вперед. Вы желаете предложить вопросы, Петр Иванович?)

ПЕТР ИВАНЫЧ (говорит солидно): — В практике кашинского окружного суда установлен precedent... (Умолкает и прислушивается, как будто эти слова сказал не он).

ИВАН ИВАНЫЧ: — Подсудимый, вы слышали? Повторяю вам...

ЖАНДАРМ ТАРАРА: — Иён болен. Дуже, вашескорodie, нездоров!

ИВАН ИВАНЫЧ — (пошептавшись с Семеном и Петром Ивановичами): — Но ежели так... Господин прокурор! Не угодно ли вам будет дать по сему предмету заключение?

ПРОКУРОР (коспешно перелистывает карманное уложение, но ничего подходящего не находит): — Мы... Мы... я полагаю бы... Я полагаю, что в виду болезненного состояния подсудимого можно ограничиться предложением кратких и несложных вопросов, на которые он мог бы отвечать необременительными телодвижениями. Нет сомнения, что господа защитники не откажут суду в раз'яснении этих телодвижений.

ЖАНДАРМ ТАРАРА: — Позвольте, вашескорodie, минэ за него говориты! Я усе понимаю!

ИВАН ИВАНЫЧ: — Вот и прекрасно. Стало быть, мы можем продолжать судебное следствие... Отвечайте, подсудимый! Признаете ли вы себя виновным?

ТАРАРА: — У чом, вашескорodie?

ИВАН ИВАНЫЧ (дразнится): — У чом?! У сем!

ТАРАРА: — Виноват, вашескорodie!

ИВАН ИВАНЫЧ: — То-то. Подсудимый, слышите?

ТАРАРА: — Точно так, вашескорodie!

ИВАН ИВАНЫЧ: — Итак, подсудимый сознался. Теперича можно, стало быть, приступить к выслушиванию свидетельских показаний...

ШЕСТАКОВ: — Я имею сделать заявление. Подсудимый никакого сознания не делал, а созналось за него совершенно постороннее лицо.

ИВАН ИВАНЫЧ (качая головой): — Ах-ах-ах!.. Правосудие идет своим ходом, а вы препятствуете! Предупреждаю, что ежели это повторится еще раз, я лишу вас слова. Я добр, но не потерплю, чтобы правосудие встречало препятствия на пути своем!

ПЕТР ИВАНЫЧ и **СЕМЕН ИВАНЫЧ** — (вместе): В практике кашинского окружного суда установлен precedent...

ИВАН ИВАНЫЧ: — Ну, да, precedent! (Вставая): Заседание суда прерывается на двадцать минут!

(„Современная ядильня“ Том 11 соб. сочинений, 3-е изд. 1893 г., стр. 265).

Между отчетом агентства Вольфа о допросе Ван-дер-Люббе в Лейпциге (1933) и отчетом Салтыкова-Щедрина о допросе Ивана Хворова в Кашине (1880) имеется только одно разноречие: заседания Лейпцигского суда были прерваны не на двадцать минут, а на четыре дня.

Но стоит ли из-за этого упрекать Салтыкова-Щедрина в неточности? Ведь судья Иван Иванович как будто списан с председателя суда Бюнгера, подсудимый Иван Хворов — Ван-дер-Люббе, а жандарм Тарара — типичный следователь Фогт.

фельетон А. Бухова.

Иллюстрации Л. Бродаты

На всех четырех островах, одинаково обогреваемых сочным тропическим солнцем и одинаково заросших плотными кокосовыми пальмами, царил тихий мир и сонливое благополучие. С первого, самого западного острова на остальные развозили на легких лодках жирное козье молоко и пахучие лепешки, на соседнем острове плели гибкие корзины и делали незамысловатые костюмы из перьев и листьев, смотря по сезону, а на двух остальных ловили рыбу и праздновали новолуние. Коралловые рифы упорно и деликатно не допускали чужих кораблей в узкие бухты, и население благодарно отзывалось о своей тихой жизни:

— У нас не, как у других: ни змей, ни чумы, ни иностранцев.

Общее вооружение всех четырех островов состояло из девятнадцати пик, трех пистолетов без курков и одного солдатского штыка образца 1809 года. Была еще неизвестно как попавшая небольшая пушка, но в дуле ее жила старая сова, а замком молодое поколение разбивало по утрам кокосовые орехи. Этого вполне хватало для мирного сожительства между островами, которое нарушалось только словесными распрями из-за дурно выпеченных лепешек или гнилой мелкой рыбы.

Но нет ничего вечного не только под северной луной, но даже и под тропическим солнцем.

Случилось так, что волны, гулко прокатившись между коралловыми рифами, в порыве самодельно-

вооружению, а оружие приложится. Сколько пик на острове?

— Четыре.

— А на соседнем?

— Девять.

— Полное безобразие. Необходимо установить средний уровень для каждого острова: девять пик — и никаких отговорок! Попрошу поторопиться.

С утра взволнованные туземцы начали в ударном темпе доделывать пять недостающих пик. Визжали каменные пилы, гнулись пальмы, и плакали дети. На соседний остров некому уже было отвезти молоко и лепешки, а когда оттуда приплыла на перевезутом дереве местный завхоз, ему ответили кратко и веско:

— Убирайся к черту со своими лепешками: видишь, пики делаем. У вас девять, а у нас четыре! Нашли дураков...

Неизвестно, в какой форме передал это испуганный завхоз на своем острове, но через полчаса там уже закипела лихорадочная работа.

— Ах так, гады, — ехидно улыбнулся местный вождь, — пики делаете? А потом, может, на нас с этими пиками? Валяй, ребята, строгая новье... девять есть, еще пяток не помешает...

Два других острова, получившие вместо лепешек и корзины неожиданное известие о пиках, тоже не захотели остаться в дураках и срочно занялись изготовлением палиц, пращей и дубин.

— Я уже давно замечал кое-что за ними, — тонко уронил дипломат с четвертого острова, — жаль, что мы поздно спохватились... Впрочем, еще посмотрим...

Через неделю на каждом острове лежала гора оружия. Туземцы ходили голодные и сердитые, но довольные:

— Пусть теперь попробуют... Мы им покажем, стервецам...

— Ну, — остановил их белый гость, — теперь, кажется, можно и разоружиться...

— Чорта с два, — сухо откликнулся престарелый вождь. — Я уже весь свой запас сухого дерева продал, а теперь деньги обратно?.. Этот номер не пройдет.

— Катись дальше, — присоединился к нему заместитель, — я за остряк к пикам двух быков получил, а теперь их обратно отдавать? Маком!

Послали делегацию на соседний остров посмотреть, сколько у них оружия.

— Уровень? — сердито встретили там делегацию. — А вы этим уровнем по морде не хотите? Мало ли что у вас сто десять пик, а у нас двести, а, может, на тех островах по четыреста?.. У них — дубины, а у нас дубин нет... Тащи, ребята, дубины на алтарь отечества...

На трех островах уже ели кору, но вооружались. На первом острове ели лепешки, но ходили голые и делали пики. Стодвухлетняя старуха пыталась отвезти соседям немного молока, но там ее объявили воен-

ным шпионом и утопили. Туземцы сидели каждый на своем берегу, вооруженные до зубов, и ждали нападения.

— У людей и пики, и топоры, и дубины... Будут они сидеть сложа руки! Теперь только и смотри за ними!..

Отрезанные друг от друга ненавистью и подозрением, четыре острова погибали в нищете и озверении. Чтобы не отстать от соседей, в оружие переделывалось все, что попадалось под руку. Из весел делались длинные боевые топоры, и грести было нечем. Печные горшки набивались камнями и готовились для метания в соседей. Даже сочные тыквы засушивались для того, чтобы ими разбивать головы малолетним.

— Главное — не отстать от уровня! — подбадривал белый человек, — еще неделя — и все будут вооружены одинаково...

По ночам ответственные держатели оружия выли от боевой энергии на луну. Когда на третьем острове вспыхнула холера, на втором устроили народное гулянье под лозунгом, написанным белым:

«Больше подохнет, — нам спокойнее».

Четвертый остров погибал от наводнения. Его население тонulo около соседей, которые кидали в них камни и подсчитывали:

— Еще двадцать пошло ко дну, одной полуротой меньше...

Белый человек довольно потирал руки.

— Теперь только маленький контроль над вооружением, и все будет в порядке... Рекомендую контролировать ночью, врасплох и не без поджога. Соседи это любят.

Контроль над вооружением прошел довольно шумно и не без результатов. На всех островах оказалось 802 коровы, четыре козы и семнадцать туземцев.

— Немного, но хватит, — весело сказал белый человек и вывесил флаг на скале, — с разоруженного острова хоть коровы клоч. Теперь могут приезжать и свои.

Свои приехали на хорошем дрейнуоте, и франтоватый мичман деликатно спросил, прыгая из шляпки на берег:

— Ну как, сэр? Произвели разоружение?

— Уже, мичман. Можете спокойно занимать. Рекомендую вождей не вешать. Пригодятся как надсмотрщики на земляных работах.

— Повесим, кого бог пошлет, сэр. Пожалуйте на шляпку.

Белый человек сделал ручкой и уехал на дрейнуот. Так кончилось разоружение четырех мирных островов под сочным тропическим солнцем.

ЗАЩИТНИК

Чистили товарища Гваделупова. Биография у товарища Гваделупова оказалась самой обыкновенной. В восторг от нее собрание не пришло, но и сомнений особенных она не вызвала.

На вопросы председателя собрания Гваделупов ответы дал также довольно вразумительные.

В общем и целом, дело двигалось к благополучному концу. На лице виновника торжества расплылось спокойное чувство довольства и уверенности.

Но вот на трибуну поднялся сослуживец Гваделупова, помбух Гнацинтов.

Гваделупов приятно улыбнулся. Гнацинтов был человек безусловно свой.

— Товарищи, — начал Гнацинтов, — мы видим перед собой человека, который стоит на высоте. Я буду краток. Я напомию только присутствующим несколько незабываемых моментов из жизни и деятельности дорогого товарища Гваделупова.

— Достаточно, например, напомнить, товарищи, полное отсутствие бюрократизма и формализма у товарища Гваделупова. Кто, как не товарищ Гваделупов, принял все меры, чтобы лучшие, квалифицированные специалисты, столь нужные каждому учреждению, остались в нашем учреждении? Зачем далеко ходить за примерами. Я, например, сам просил оставить меня в учреждении на том основании, что моя жена

склонна к меланхолии и не перенесет моего отъезда. И что же? Тов. Гваделупов без всякого формализма учел этот тонкий психологический момент и наложил резолюцию: «Оставить».

Собрание насторожилось. Председатель приложил ладонь к уху. Гваделупов крикнул и заерзал на стуле.

— Посмотрите, товарищи, — продолжал помбух, — на другие учреждения. Разве кто уделит столько теплого, я бы сказал, отеческого участия своему аппарату, как товарищ Гваделупов. Ведь у нас в тресте, прежде чем направить продукцию наших предприятий в распространение, товарищ Гваделупов всегда следит, чтобы каждый из заслуживающих, понятно, внимания сотрудников получил эту продукцию сам. Вы посмотрите, — каждый из наших сотрудников имеет велосипед и швейную машину. Каждому обещано выдать патефон...

Гваделупов покраснел. Собрание заулыбалось.

— А премии? Разве не показал товарищ Гваделупов, как надо зорко следить за директивами партии о хорошем отношении к специалистам? Вот, например, помощник директора нашего треста награжден золотыми часами. Его заместитель получил командировку на два месяца в Крым. Свистуну дали двухмесячный отпуск и путевку. Кутейкину выдали аванс на покупку квартиры.

— И все — товарищ Гваделупов. Таких людей ценить и уважать надо.

Правда, наш трест выполнил всего 60 процентов промфинплана, но это, товарищи, исключительно потому, что налицо масса объективных причин. Их так много, что бухгалтерии, плановому отделу и товарищу Гваделупову пришлось уделить двое суток исключительно на анализ и проработку этих причин в годовом отчете.

Собрание заволновалось. Гваделупов сидел, бледный, слегка приоткрыв рот:

Гнацинтов продолжал с энтузиазмом:

— Весь наш коллектив любит и ценит дорогого товарища Гваделупова. Укажите мне другое учреждение, где сотрудники относились бы с такой любовью к своему дорогому начальнику. Недавно, например, на именинах товарища Гваделупова мы поднесли ему, нашему дорогому начальнику, ружье системы Зауер и серебряный портсигар с монограммой. Разве это не лучшее доказательство высокого авторитета товарища Гваделупова? Да, товарищи, — с пафосом закончил помбух, — товарищ Гваделупов может служить в некотором роде образцом. Именно образцом. Я кончил.

Собрание мрачно молчало. Гваделупов растерянно уставился в пол. Председатель что-то записывал. И только один Гнацинтов сиял от удовольствия. Он был вполне доволен своими блестящими ораторскими способностями и умелой защитой.

БЕН-ГАЛИ

Примите
и прог...

СНАРЯДЫ И ПУЛИ

Съезд английских тред-юнионов постановил

не вмешиваться в антивоенную пропаганду.

И действительно, очень неудобно мешать фабрикантам лить снаряды, когда сам отливаешь пули на каждой конференции...

ВЫХОД В СВЕТ

По сведениям шанхайских газет, из Манчжоу-Го

для занятия района Луань вышел известный бандит Лао Хао-цао с 5.000 разбойников.

Мы всегда были того же мнения, что из Манчжоу-Го что-нибудь да выйдет. Бандит Лао Хао уже вышел. Лиха беда — начало.

ШУМНАЯ ТИШИНА

Один из фашистских лидеров заявил на-днях:

«Мы прежде всего хотим, чтобы у нас было тихо. Кому это мешает?»

По этому поводу можно заметить, что в силенах тоже бывает очень тихо. А кому это доставляет удовольствие?

ВЫСТРЕЛЫ В КРЕДИТ

Даже буржуазная печать начинает понимать, что война при капитализме неизбежна.

«Американ Лемб» замечает:

«Один из способов обеспечить мир — это условиться, что страна не может начинать новую войну, пока она не заплатит за предыдущую».

Ничего не выйдет: капиталисты понимают, что начать стрелять снова гораздо выгоднее, чем расплачиваться за предыдущие выстрелы.

„МАЛЬБРУН В ПОХОД СОБРАЛСЯ“

Белогвардейцы еще продолжают смердеть. На этот раз зловоние донеслось с берегов Темзы. Контрреволюционный украинский листок «Инвестигейтор» разослал всем бывшим акционерам «Лена-Гольдфильде» письмо, в котором просит поддержать движение за создание независимой Украины.

«Единственным способом, при помощи которого вы, вероятно, увидите, какой-либо доход на ваш капитал, — пишут белогвардейцы в своем воззвании, — это поддержать наше движение».

Поддержка — дешевая. Всего 13 шиллингов в год.

А все-таки дорогая плата за одно только право пометать о недостижимом золоте советских Ленских приисков. Даже если принять во внимание падение фунта стерлингов.

ПРОТЕСТ ПАЦИФИСТА

Рис. Ю. Ганфа (тема А. Бухова)

— Не забывайте, при отправке снарядов клиентам, вкладывать эти плакаты. Пусть все знают, что мы тоже против войны.

НАЦИ — БАРБАРОССА

Когда-то в возрасте детском
Пузатый, как артишок,
В учебнике немецком
Я прочитал стишок.

Он в памяти пронесся,
Как мимолетный вихрь:
Der alte Barbarossa
Der Kaiser Friederich...¹

Запомнить мне пришлось
И следующий стих:
— Im unterirdischen Schlosse
Er hält bezaubert sich...²

А дальше, — памятью скорбен,
Ловлю я обрывки лет:
— Тот Фридрих совсем не
А определенно lebt.⁴

И соблюдая рамки,
Сей лучший из королей
Сидит в подземном замке
И ждет погожих дней.

Согласно точных справок,
Он так проводит года:
Среди колонии лавок
Растет его борода;

Вкруг трона по ступеням
Валются сторожа,
И в лад его храпенью
Сочувственно стенла дрожат.

Так Фридрих в должном виде
Сидит — и снится ему,
Что он когда-нибудь выйдет
К народу своему,
Что в нужную минуту
Пройдет он спешно в ремонт
И двинет, сбросив путь,
Навстречу лучших времен,

И поведет к свободе
Народ свой, разбив тюрьму...
И прочее в этом же роде
Снится ему...

И вот свершаются сроки,
Конец приходит снам.
Играет в бурном потоке
Коричневая Весна...

В коричневой ливрее
Кричит ему штурмовик:

¹ Старый Барбаросса
Король Фридрих.
² В подземном замке
Он заколдованный сидит.
³ Умер.
⁴ Жив.

— Настало ваше время,
Пожалте, Фридерик!

Тогда рыжебородый,
Встряхнувшись, как сурок,
Окинул взором своды,
Переступил порог.

И больше всего удивился
Проснувшийся индивид
Тому, что пред ним открылся
Вполне знакомый вид.

От счастья чуть не заплакал
Признательный бородач:
Пред ним знакомая плаха,
На ней знакомый палач.

Помост, пропитанный кровью,
И море людских голов —
Родное средневековое
Кивает за семь веков!
И смотрят резвые наци,
Подняв немецкий стяг,
Как ярче иллюминаций
Огнем горит рейхстаг!

А дальше заметить не труд-
но —
В одну минуту возник
И тоже пылает чудно
Огромный костер из книг.

И тут же из хаоса
Гремит органнй глас...
От счастья Барбаросса
Пускает слезу из глаз!
«Божественная милость
«Хранила мой альков!
«Ничто не изменилось
«За эти семь веков:
«Такие же монахи,
«Такие же костры,
«И те же самые плахи,
«И те же топоры!
«И также бьют евреев
«При помощи камней!
«Не я пришел во время
«А время пришло ко мне!
«Поскольку нету сдвига
«За эти семь веков,
«Записываюсь мигом
«В союз штурмовиков!»

Но там, в управлении квартала,
Насчет заявленья его
Ему сказали, что мало
Желания одного!
На все его вопросы
Сказали, пальцем грозя:
«Поскольку рыжеволосый, —
«В арийцы принять нельзя!»

ГИГАНТ И ПИГМЕИ

Агитсамолет-гигант «Максим Горький» строится. В цехах опытно-го завода ЦАГИ, на моторных и приборных заводах кипит напряженная творческая работа. Уже возникают кольчугалюминиевые конструкции гигантских крыльев, собираются двигатели, готовится аппаратура.

В строительстве гиганта-самолета участвует вся страна. Уже собрано больше 3 миллионов рублей. Многие края и республики выполнили и перевыполнили свои контрольные задания. Работники ЦАГИ, — непосредственные строители самолета, — стремятся, соревнуясь, как можно лучше и скорее построить гигантскую птицу. Энтузиасты не спят ночей.

Но не обошлось дело и без районного патриотизма. Зараженные им желают срочно парить в воздухе на высоте своей собственной, еще не уничтоженной колокольни. Что им за дело до гиганта-самолета «Максим Горький». Пусть его строят другие. Они восторженно объявляют сборы на десятки самолетов самого разнообразного наименования.

Котласский райсовет Осоавиахима собирает средства на самолет «Котласский десоруб», Мезенский район, Северного края, собрал 465 руб. на самолет имени Вл. Иванова, в Талице (Урал) решил строить самолет «Талицкий колхозник». А во многих районах идет сбор «вообще» на самолеты (названия еще не придумали: председатель райсовета ОАХ спорит с секретарем сельсовета, чью фамилию поставить).

Воронежская «Коммуна» выбросила решительный лозунг: «300 тысяч рублей на постройку агитсакадрильи имени печати ЦЧО».

«Уральский рабочий» хочет иметь эскадрилью имени «Уральского рабочего».

Словом, каждый желает отличиться и утереть нос другому.

Странно лишь одно. Все обращения к гражданам о сборе средств начинаются, как правило, упоминанием о том, что строится, мол, такой гигант-самолет «Максим Горький», а кончается предложением вносить деньги на самолет «Владимир Иванов» или еще кого-нибудь другого.

Прочитав такое обращение, граждане вначале охотно открывают кошелек, но потом быстро спохватываются. Сама воронежская «Коммуна» принуждена сознаться, что «в целом ряде районов, собрав сто-двести рублей, дальнейший сбор прекратили». И не мудрено. Ведь при таком подходе любой гражданин может явиться в редакцию газеты и сказать:

— Меня зовут Петр Петрович Петров. Вношу на самолет моего имени «Пе-Пе-Пе» — 25 рублей. Остальное — доберите сами.

Редакция, конечно, может постараться и заварить кашу, но вряд ли такой самолет когда-нибудь украсит советский небосвод...

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Несогласованные, нелепые и часто просто анекдотические сборы дискредитируют и тормозят дело постройки гиганта-самолета «Максим Горький».

Но восторженная районная активность идет еще дальше. В Асбестовском районе (Урал) местный комитет Осоавиахима спокойно и просто наложил руку на деньги, собранные для постройки «Максима Горького». А в Копейском районе местные власти решили, что авиация вообще дело вредное и попросту запретили проводить сбор.

Газета «Ленинское знамя» (село Ивантеевка, Н.-Волжского края) весьма остроумно догадалась, что постройка самолета «Максим Горький» — просто-напросто коммерческое предприятие, и послала Всесоюзному комитету по постройке самолета счет: «За помещение в газете обращения комитета, за 105 строк по 10 коп. строка. — Всего 10 руб. 50 коп.»

Хорошо, хоть дешево взяли. Могли бы и подороже запросить.

Отдавая должное хозрасчетным доблестям «Ленинского знамени», мы тем не менее не требуем с Всесоюзного комитета платы за весь вышеприведенный материал и даже согласны, подытоживая этот материал, поместить (совершенно бесплатно) нижеследующее обращение:

Дорогие товарищи гололоты!

Вся страна с любовью и с энтузиазмом строит агитсамолет-гигант «Максим Горький». Не можете ли вы, хотя бы до 1 мая 1934 года, отойти в сторону, не путаться под ногами и не мешать работающим людям своей не по разуму восторженной энергией. Мы знаем, что это вам будет сделать нелегко. Но попробуйте все-таки взять себя в руки. А в награду за это мы назовем вашим именем самую глубокую воздушную яму, которая только найдется над нашим Союзом.

НЕУДОБНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ

Рис. Радакова (тема М. Глушкова)

— Каково расположение ваших частей, генерал?
— К сожалению, они слишком расположены к красным...

19.000 МЕТРОВ

Густой туман навис неожиданно...
В назначенный для старта срок,
Отяжелевши от тумана,
Наш стратостат взлететь не смог.

Хотя в досаде на осадки
Осадок горький был у нас,—
Мы твердо знали: все в порядке.
Мы выжидали день и час.

Меж тем враги в утробном раже
Подняли хохот, свист и вой:
— „Большевики — ха-ха! Туда же!
Хотят рекорд поставить свой.

Ну, где им меряться с Пикаром!
Их детище — не поднялось!
Коммунистическим Икарам
Разбиться даже не пришлось!”

Мы выжидали и молчали.
И, несмотря на вражий раж,
Любили крепче, чем вначале,
И стратостат и экипаж.

Читая набранный петитом
Отдел погоды по утрам,
Весь наш Союз глядел сердито
В ответ осадкам и ветрам.

И каждый маленький мальчишка
На небо взглядывал стократ
И брал в библиотеке книжку
Про облака и стратостат.

И вот в обещанное утро
В кристальный холод дальних сфер
В осенней дымке перламутра
Поднялся наш ЭС-ЭС-ЭС-ЭР.

Он взвился быстро и упрямо,
По-деловому прост и горд,
И без шумихи, без рекламы
Поставил мировой рекорд.

Блестяще выполнив задачу,
Он ясно дал понять врагам,
Что временные неудачи
Лишь силы прибавляют нам.

Острее разум, крепнут руки,
И ход истории таков,
Что знамя мировой науки
Идет в страну большевиков.

В полярных льдах, под небесами —
Все громче наши голоса.
И, распрощавшись с чудесами, —
Мы сами строим чудеса!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

КОЛОНИАЛЬНАЯ ДЕЛИКАТНОСТЬ

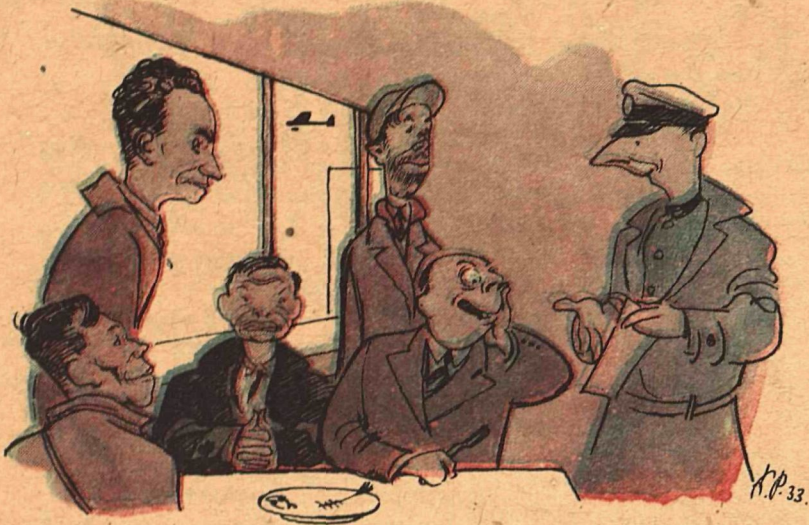
— Что вы можете, полковник, сказать о населении занятой нами местности?
— Ах, господин генерал, вы же знаете: о мертвых или ничего не говорят или только хорошее...

— Не бойтесь лететь, профессор? Говорят, что там наверху воздуха не хватает...

ГЕРМАНИЯ — СТРАТОСФЕРА
— Пустяки! У нас в Германии и на земле дышать нечем...

Рис. Л. Бродаты (тема А. Бухова)

На аэродроме. Начштаба агитэскадрильи им. Горького т. Соколов принес в ресторан аэродрома какую-

то бумажку, исписанную загадочными формулами. Она очень напоминала магазинный счет. Ткнув пальцем в какую-то дробь, он сказал, что „это“ под Мценском, и что там от перемены давления будут воздушные ямы, и нас „качнет“.

К сожалению, пророчество т. Соколова сбылось. После двух часов лета мы начали явственно ощущать изменение воздушного давления. Мы поняли, что приближаемся к Мценску.

Как мы

....Они сидят в кафе, пьют пиво, курят трубки и острят. Потом за-
Я спросил:
— Кто они такие?
Мне ответили:
— Это сотрудники сатирического журнала. Не требуйте о них многого.
Так Марк Твен описывает быт европейского сатирического журнала.
Мы, советские сатирики, живем в ином быту, о другой культуре и о другом
тором нам придется рассказать несколько позднее, в редакции „Кроко-
— Интересно знать, — не без иронии начал секретарь, только что
ине, а ни одного из них нет в редакции... Что они с визом землю прова-
— Почти, — успокаивающе заметил редактор, — четверо в подзаемии?
— Так... А вы не знаете, Ильф и Петров сегодня будут в редакции?
— Нет. Они на Беломорском канале, осматривают...
— Кстати, еще перед отъездом я просил Храпковского занести од-
— Нет его. В пустыне Кара-Кум, в автомобильном пробеге.
— А Катаев прислал рассказ?
— Едет в колхоз, оттуда и пришлет.
— А где же, наконец, Бельский, Ротов, Ганф, Весенин, Роман? — уж
но! Никого не найдешь... Где они?
— Нет их.
— Что значит — нет? Где-нибудь на земле же ведь они есть?
— Нет. В воздухе. Утром улетели.
— Куда?
На этот вопрос и отвечают своими зарисовками К. Ротов и текстом
На „Л-503“ крокодилы летали в свою подшефную МТС в Рязань
ционного отела, заваленного рукописями, и живому человеку на поле,
нала. Но мы не кичимся этим, а просто рапортуем нашему читателю

В дороге у Ганфа мелькнула интересная мысль — организовать воздушные маяки особой конструкции, которые бы показывали воздушные неблагондежные улицы и переулки. Попутно можно было бы увековечить имена выдающихся деятелей авиации.

Автобус, перевозящий пассажиров с Харьковского аэродрома в город, отличается своеобразием конструкции, дающей ему возможность брать на борт столько пас-

сажиров, сколько берет океанский пароход. Нельзя сказать, чтоб это сходство с пароходом простиралось и до комфортабельности условий поездки. В день нашего

ходят в свою редакцию, продают остроты и снова возвращаются в кафе.

ого"...
на сорок лет назад. Наверное, этот был там такой же и сегодня.
мленностью. Поэтому нет ничего удивительного, что в тот день, о ко-
дила" происходил следующий разговор:
вернувшийся из отпуска, — где все наши сотрудники?.. Сегодня заседа-
длись, что ли?..
м рейде, осматривают работы по метрополитену.

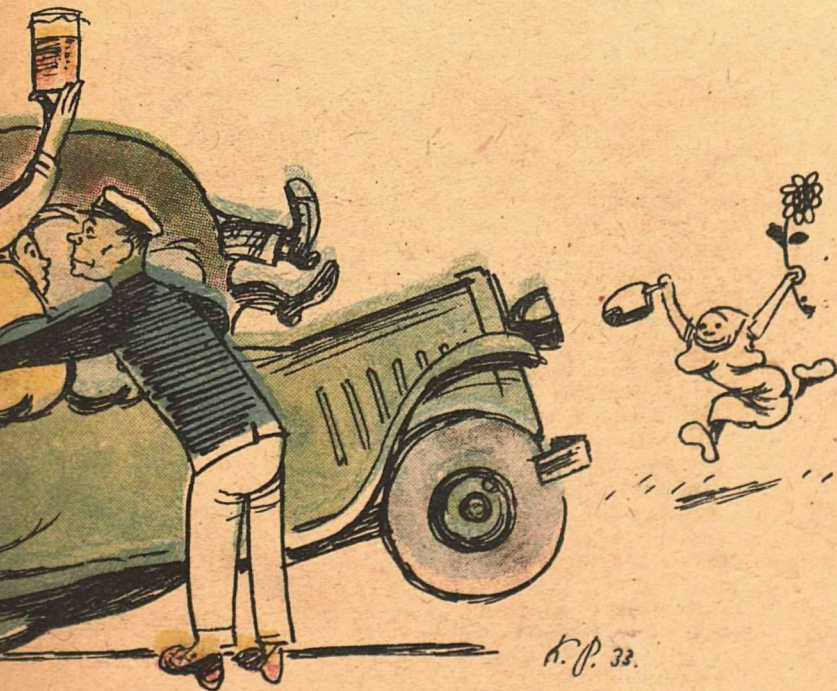
дин рисунок...

е обиженно спросил секретарь, — стоит только уехать в отпуск — и конче-

ом к ним Я. Бельский.
ры. Авиопуть от редакционного кабинета к подлинной жизни, от редак-
— этот путь не проделывала еще ни одна редакция сатирического жур-
так живет и работает „КРОКОДИЛ“.

РЕДАКЦИЯ.

В Днепропетровске мы впер-
е поняли, что касторка оказы-
ет благотворное влияние не
лько на желудок, но и на мо-
ры. Администрация Днепропет-
вского аэропорта с этим об-
ятельством не посчиталась и
явила, что касторки нет. Борт-
ханику Дорра все же посчас-
вилось обнаружить на складе
аэропорта нужный нам бидон.
ранный склад.

К. Р. 33.

прибытия служащим
аэропорта выдавали
мед, и это обстоятель-
ство также сильно за-
трудняло сухую пере-
гонку пассажиров в
город.

На заднем плане ри-

сунка изображена де-
вушка с подсолнухом.
Это — Надя. Ее мама
работает на аэродро-
ме, а ее чуть не за-
были взять.

Посадка Нади заня-
ла всего пять минут.

На Украине
наш пилот Ва-
сильев, нако-
нец, раздобыл
кукурузу, о ко-
торой давно
мечтал, летая
по линии, где
кукурузы нет.
У него были к
завтраку кру-
тые яички из
Эллисты, со-
вершивши е
путешествие
в 2.500 кило-
метров. Так
завтракать
могут только
пилоты.

В Раздорской МТС шеф-пилот Васильев объяснял колхозни-
кам конструкцию самолета. Он указал попутно, что хвостовое
оперение нашего „Л-503“ отличается от всех прочих тем, что,
кроме обычного хвоста, на нем еще находится хвост крокодила,
дающий возможность самолету летать в подшефную МТС.

Текст Я. Бельского. Рисунки К. Ретова

УВИДЕННОЕ

МОСКВА — РАЗДОРЫ

Нас пригласили на блины. Полетели. Все сделали, чтоб не опоздать.

Устроили попутный ветер, заложили воздухом воздушные ямы, отменили туман и пламы на своем «К-5», как в 6 номере трамвая после 2 часов ночи.

Были блины. Роскошные белые блины. Были жареные дыплята и отварная кукуруза. Яркое солнышко освещало наш пир. И все было б хорошо, если бы не кооперация.

В подшефной Раздорской МТС.

Ударница Мотря Маковецкая после уборки урожая стала зажиточной. А чем больше есть у человека, тем больше у него разных желаний. Захотела Мотря Маковецкая мыла купить. Не то, чтобы там «Бодло» или «Магнолию», а просто стирочного мыла.

— Нету мыла, — сказали ей в давке кооперации, — будет, а пока бери кофе «Здоровье», для детей хорошо. В городе все принимают. Какие дети умные вырастают...

Пошла Мотря поить своих детей кофе «Здоровье».

Ударник Бокон из артели Березневатой справедливо отнесся к своим ногам и решил обуть их в сапоги.

Пошел в лавку и купил за 48 рублей пару. Ничего себе на вид, поблескивают и со скрипом даже. Одна беда, — носки на ногах не выдерживают. В руках еще ничего бы, а как на ноги надел, — конец. Походил Бокон недельку в сапогах, а на восьмой день обе подметки богу душу отдали. Если б еще порвались, а то просто потерял где-то. Пришел домой, смотрит: нету. Плакали денежки.

А в артели «Оборона» кооперация таких сапог не продает. Поняла, что нехорошо это, и решила дело попроще. Повесила на лавку замок и написала мелом на ставнях: «По случаю переучета товаров и отъезда в отпуск заведующего торговля временно прекращена».

И УСЛЫШАННОЕ

А кто же переучитывает товары, когда зав в отпуску? Никто, потому что товаров нет.

Старый Стрельцов из Раздор поехал на с'езд в Днепропетровск в старом, драном картузе. Не то, чтобы не мог подобрать по размеру, а просто на все размеры в кооперации один ответ — нет. И все. Про раздорскую кооперацию можно прямо сказать, что шапками она никого не закидает.

Костюма Стрельцов тоже себе не подобрал. Тут уж впрямь не вина кооперации. Сам Стрельцов виноват. Высок очень, и из всех предусмотренных ассортиментом размеров вырос. Старику уже лет за пятьдесят, расти назад и перестраиваться поздно.

И еще приходили колхозники и жаловались. И самое странное, что никто не пришел оправдываться или объяснять.

Пилот Васильев объясняет раздорцам устройство самолета.

Кооператоры попрыгали и ждали, пока треск мотора не возвестит им, что беспокойная птица улетела.

Испортили кооператоры раздорские блины!

ВОЗДУШНЫЕ ВИЛЫ В ЗЕМНЫЕ БОКА

... Днепр исчезает и опять бежит под нами с тихим всплеском.

Шумит мотор. И наш К-5 кружится над Днепропетровском. Пусть разорвутся облака И глянеть месец круторогий, — Нам нужно вилы дать в бока Екатеринбургской дороге!

На этой дороге скопились горы хлеба, нового тучного хлеба с колхозных и совхозных полей. Его свозят в бунты, он лежит под открытым небом. Он портится при активном участии управляющего Заготзерно Алмазова и уполномоченного хлебной тройки Голубенко.

Хлебу не везет. Вернее, его не везут. Найдут рабочую силу, — оказывается, нет тары. Найдут тару, — исчезают вагоны. Приходится развешивать их днем с огнем. Недавняя перепись по Нижнеднепровску обнаружила 1.292 скрытых вагона. Когда их извлекли, оказалось, что большинство из них состоит, главным образом, из дыр. В Нижнеднепровске играют с вагонами на маневровой горке, как с пасхальными яйцами: за полтора месяца разбили 143 вагона.

Мастер вагонного участка Нижнеднепровского депо Благуна среди дня бросил работу и ушел домой: оказывается, к нему приехала тетка! Из-за этой тети семь вагонов вовсе не вышли из ремонта, а пять других после ремонта оказались калеками. Благуна исключили из партии. Тогда он обиделся и стал выпускать из ремонта еще меньше вагонов, чем прежде.

Начальник вагонной службы Екатеринбургской Мямлин, закрыв глаза на мрачное настоящее, упорно верит в светлое будущее, которое он красочно описывает в рапортах и циркулярах. Чтоб угодить ему, кое-кто усердно занялся очковитирательством, крича о «переломе», «повороте» и успехах. Но поворота пока не видно, а переломов, действительно, очень много...

ДНЕВНИК „КРОКОДИЛА“

30 СЕНТЯБРЯ. Сегодня я счастлив и горд: крокодилзация воздуха проходит очень успешно. А кроме того, я необычайно обрадован известиями с далекого севера. На пароходе «Челюскин», совершающем героический ледовый поход, родился и существует мой сынок — «Полярный Крокодил». Оказывается, крокодилья порода может выживать даже у самого северного полюса.

Сквозь ледяные километры Ударнику полярных сил — «Челюскину» с попутным ветром Привет приносит «Крокодил».

Остри гарпун, мой сын полярный, Насмешкой бодрость развигай, Работе трудной и ударной По-крокодилья помогай.

Пред нашей большевистской волей Все тайны выложит земля, Не страшно ледяное поле, Коль есть колхозные поля.

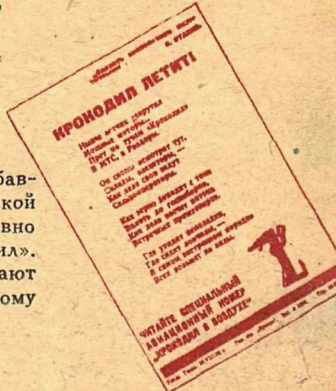
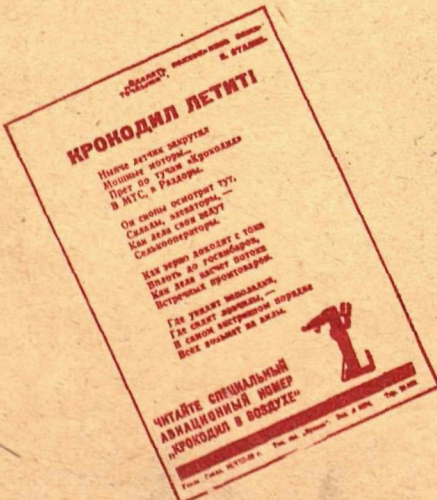
2 ОКТАБРЯ. И еще одно прибавление семейства. В краснофлотской газете «Красный черноморец» недавно появилась «Черноморский Крокодил». Молодые крокодилята завоевывают все стихии. Послал бодрому южному сынку приветствие:

«Разгильдям всем на горе, Молодой и полный сил, Появился в Черном море «Черноморский Крокодил». Поздавяю из столицы И желаю стать скорей Боевою единицей Среди могучих кораблей!»

Сынок ответил с честью: «Дорогой папаша, большой Крокодил!»

Я получил твое письмо и поздравление. И скажу тебе прямо — горжусь ими. Только ты не бойся, — голова от этого у меня не закружится. На твой призыв — на горе всем разгильдиям стать боевою единицей в борьбе за обороноспособность трудового Черноморья — рапортую тебе: — Ясно вижу!»

Я даже прослезился. Вы только подумайте: такой маленький и умный такой боевой и способный. Веселый и отважный!

Петр Иванович регламент
Абсолютно незнаком.
(Эх, такого бы в парламент
„Щупать кризис“ языком!)
Любит разные словечки
И всегда „на страх врагам“
Разольется, вроде речки,
По лазоревым лугам.
Искушенный в пышном слоге,
То звенит, как лед весной,
То рычит, как зверь в берлоге
В дикой заросли лесной.
То над трепетной водою
Легкой пташкой парит
И, мотая бороδοю,
Говорит и говорит...
Нет оратору предела,
Язычище — в полверсты,
А когда дойдет до дела,
Петр Иванович — в кусты!

* * *

Приблизительно в апреле,
Под тревожный гул весны,
Горячо в колхозе „прели“
О под'еме целины.
Изумрудились дорожки
Сочной травкой молодой,
Серебристые сережки
Робко никли над водой.
Журавель шагал вприскокку
И лягушек ел живьем,
Петр Иванович влез на бочку
И защелкал соловьем.
Говорит и чуть не плачет,—
До того вошел в азарт:
— Мы-де, значит, вы-де, значит,
Вроде, значит, авангард!
Значит, мы-де, в лучшем виде
Сможем, значит, доказать,
Значит, мы-де, значит, вы-де,
Значит, вроде, так сказать.
В общем-целом, для примера
Бой объявим целине!
Что касаемо размера,—
Голосую за вдвойне!
Сразу полё загудело:
— На работу! На посты!
А когда дошло до дела,
Петр Иванович — в кусты.
Ждет покоса луг заречный,
В одуванчиках — откос.
Выдвигала сходка встречный,
Чтоб ускорить сенокос.
Обрастали повилкой
Голубые бубенцы,
И кормились земляничкой
Желторотые птенцы.
Как штыки сверкали вилы,
Сталь машин остра, как меч.
Петр Иванович слез с кобылы
И, волнуясь, начал речь.
Говорит и чуть не плачет,
Теребя кобылий хвост:
— Мы-де, значит, вы-де, значит,
Вроде, значит, аванпост!
Значит, мы-де, в лучшем виде
Сможем, значит, доказать...
Значит, мы-де, значит, вы-де

Косим сено, так сказать.
В общем-целом атмосфера
Подходящая вполне.
Что касаемо размера,—
Голосую за вдвойне!
Нет оратору предела,
Язычище — в полверсты,
А когда дошло до дела,
Петр Иванович — в кусты.
Каждый полон дум осенних,
Иней выбелил плетень.
— Сколько хлеба, сколько денег
Выдавать на трудодень?
Грузно ломаются амбары
От душистого зерна.
Грузовик везет товары,
Осень, озимь, зябь черна.
Стаи птиц несутся небом,
Режут тучи поперек
Поднапершись свежим хлебом,
Петр Иванович изрек.
Говорит и чуть не плачет,
В сытом голосе азарт:
— Мы-де, значит, вы-де, значит,
Аванпост и авангард!
Значит, мы-де, в лучшем виде
Сможем, значит, доказать,
Значит, мы-де, значит, вы-де
Делим деньги, так сказать!
В общем-целом, для примера,
Остановимся на мне.
Что касаемо размера,—
Голосую за вдвойне!
Но когда учетчик глазом
Заглянул в его листы,
Петр Иванович смылся разом,
Как и водится, — в кусты.

* * *

В соболонной пышной шубе
Звонко шествует мороз...
В светлом зале, в новом клубе
Собирается колхоз.
Петр Иванович, — как на шиле,
Поразил его учет:
На правлении решили,
Что брехня его не в счет.
Председатель в цифры тычет:
— Подтвердит у нас любой,
Если сделать нужный вычет,—
Тонна хлеба за тобой!
Говорили очень круто,
Людам было не до фраз,
Петр Иванович почему-то
Промолчал на этот раз.
Тем, что вылезешь на бочку,
Не изменишь ничего.

* * *

Чтобы здесь поставить точку,
Сами скажем за него:
— Поделом ему попало,
На войне, как на войне!
А по-нашему, — так мало!
Голосуем... за вдвойне!

В. ВОЙНОВ

ПРИСУТСТВУЮТ: трудящиеся СССР

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Информацию о полетах в стратосферу и о предельном мировом рекорде высоты полета в 16,2 километра.	Поручить тт. Прокофьеву, Годунову и Бирнбауму совершить полет в стратосферу.

*Справка о выполнении
30 сентября 1933 года
Советским стратостатом СССР
и высотой в 19 километров
на благом мире в СССР*

„НАУЧНЫЙ“ РАССКАЗ

В редакцию «Крокодила» в приемные часы явился гражданин в демисезонном пальто, украшенном такой огромной клеткой, что в ней свободно можно было поместить тигра. Он подошел к редактору и монотонно начал:

— Так как вы объявили, что выпускаете специальный номер военной авиации, то я вам принес рассказик, так сказать, научного свойства о будущей войне...

— Оставьте его, — ответил наш вежливый и мягкий редактор.

— Нет, уж лучше я вам сам его и прочту.

Гражданин в клетку, не глядя, опустил зад, и довольно удачно попал им на стул. Совершив эту операцию, посетитель расправил у себя на коленях внушительную рукопись и оттащился. Досужие сотрудники обступили его.

— «Распад». Научный рассказ. «Глеб, красивый brunet 27 лет, проснулся, как всегда, в 9 часов. Повичным жестом он повернул особый

выключатель над кроватью, и на специальном экране против его глаз возникли сообщения утренних газет. Особый громкоговоритель специально иллюстрировал и озвучивал экран.

— Алло, алло, — услышал Глеб. — Война объявлена. Командиры, запаса считаются призванными.

Взволнованный Глеб повернул особую рукоятку, и специальная вешалка с платьем под'ехала к нему. Одеваясь, он нажал специальную кнопку. Особый столик с завтраком точно вырос у постели, появившись из люка.

Позавтракав и одевшись, Глеб выбежал в коридор, где специальный аэроплан уже ждал его. Повернув особый рычаг, он взлетел на воздух. Особые лучи уже писали на облаках известия о войне.

— Это был военный аэроплан...»

— Специального устройства? — спросил решительный замредактора.

— Да... А вы откуда знаете? — автор в клетчатом пальто даже встревожился.

— Очень просто: перед этим у

вас сказано, что лучи были «особые». Значит, следующая вещь должна быть «специальной».

— Допустим, — проворчал автор. — Разрешите продолжать. «Аэроплан этот был специального устройства. Он был снабжен...»

— Особым! — сказали три сотрудника сразу. — Но чем «особым»? Штепселем? Колесиком? Рулем? Ручкой?

— Ничего подобного, — проворчал автор. — Никаким не рулем, а «особым шнурком, который превращал его в подводную лодку».

— Ах, шнурком!..

— Да! А дальше так. «Аэроплан, покрытый...»

— Специальным! — грянул хор сотрудников.

— Что — специальным?

— Аэроплан ваш. Он, конечно, покрыт чем-нибудь специальным.

— Да...
— Ну, вот. И достаточно читать, — сказал замредактора, блеснув круглым черным глазом. — Все уже ясно.

— Вы что же — против научной литературы? — ехидно спросил посетитель. — Или, может быть, вам не нравится тема о будущей войне?

— Нет, почему, тема нравится. И против научной литературы мы не возражаем. Только против настоящей научной, а не такой, в которой вся наука выражается двумя словами: а)...

— Особым! — грянул хор сотрудников.

— И б)...

— Специальный!

Автор в клетчатом пальто сердито пожевал губами, спрятал свою рукопись и направился к выходу. В дверях он остановился и сказал:

— Все равно я свой научный рассказ напечатаю. А вы оставайтесь без научной литературы... Пока...

И в этом он оказался прав: научные рассказы, построенные на двух словах (и главным образом — о войне), печатаются в очень многих изданиях — и тонких и толстых.

В. АРДОВ

ВЛЕЧЕНИЕ РОД НЕДУГА

(Грибоедов „Горе от ума“)

Рис. Н. Елисева (тема М. Глушкова)

ЯПОНСКИЙ ГЕНЕРАЛ: — Сначала Манчжоу-Го. Потом Забайкал-Го. Потом...
КРАСНОАРМЕЕЦ: — Не говори го, пока не перескочишь!

Соня

Она бежит, подпрыгивая, через двор, от сарая, где стоят тракторы, к жилому дому. Я издали вижу ее желто-розовое, как пенки вишневого варенья, платье, ее коричневые ноги в каких-то невероятно стоптаных туфлях, пестрый женотдельский платочек на черных курчавых, сухих волосах.

Она сильно размахивает большими, голыми мужскими руками. Блестит ее пенсне. Это — сорокалетняя женщина, присланная сюда в качестве агротехпропагандиста, товарищ Бузулук. Она пролетает мимо меня, замечает, хочет остановиться, запинаясь, потом в отчаянии машет рукой и пролетает дальше. Она скрывается в дверях дома, но тотчас выскакивает оттуда и мчится назад к тракторному сараю, большая, как лошадь, взволнованная. Она опять хочет остановиться возле меня, но опять-таки с отчаянием машет рукой и уносится по направлению тракторного сарая. Зачем, по какому делу бежала она туда и обратно? — Неизвестно. Она присхала вести агротехпропаганду, но она сама признается, что к этому не лежит ее душа. По склонностям и темпераменту она — массовик, культagitator. Она в институте занималась главным образом кружками, стенгазетами и т. д. Здесь она добровольно взяла на себя организацию культкомбайна. Это большой фургон, снабженный радио, листовками, стенгазетой, лозунгами, карикатурами, гармоникой, доской лодырей и ударников, который должен выехать на поля и ездить по бригадам, обслуживать их во время обеденного перерыва и после работы, вечером. Бузулук всей душой отдалась этому делу. Она руководит художниками, сама красит колеса охрою, носит, как угорелая. Она энтузиастка. К любому делу она относится с таким жаром, с таким порывом, что за нее делается страшно. Она никогда не говорит спокойно, а всегда со страстью, с муками, как будто рождает. За всякое дело она «болеет». У нее детское платье без рукавов. Кем бы она могла быть? Помощником провизора? Акушеркой? Что-то в этом роде. Но она крестьянка. Из земледельческой еврейской колонии под Херсоном. С малых лет она работала на земле и хорошо помнит, как трудно было работать, как эксплуатировали управляющие, помещики и т. д. На своей спине испытала...

Подготовка агиткомбайна идет хорошо, быстро. Но ей все кажется, что медленно. Каждую минуту ей кажется, что все пропало, все погубило, ничего не выйдет, все пошло прахом. Она, если так можно выразиться, энтузиастка-пессимистка. В ней ничего женского, кроме застенчивости и доброты. Она застенчива феноменально. От застенчивости она может вдруг, ни с того ни с сего, выбежать из комнаты, нелепо размахнуть руками; от застенчивости она может накричать, набзывать. Она живет где-то в Раздорах. Чем она питается, укрывается ночью, — неизвестно. Иногда она прибегает просить у Семеновны иголку и нитку. Потом она сидит где-нибудь в уголке и неловко зашивает платье. Шить она, конечно, не умеет. Над ней все подшучивают, но все признают в ней большую душу и чудесную доброту. Ее любят.

Сначала она набросилась на меня, заставила писать лозунги, придумывать рисунки. Но так как она все мои короткие лозунги превращала в длиннейшие афоризмы, полные придаточных предложений, тавтологий, я скоро охладел к агиткомбайну. Она махнула на меня рукой. Она таинственно говорила про меня:

— Я уже на него не надеюсь.

Но просила мне этого не говорить. Мне все же сказали.

Я спросил ее:

— Бузулук, так, значит, ты уже на меня не надеешься?

Она страшно покраснела:

— Ничего подобного! — И таинственным шопотом: — А кто тебе сказал?

— Таисия Алексеевна сказала.

— Ну, я ей ничего больше не буду доверять.

— Почему же ты на меня перестала надеяться?

— А ты, почему не пишешь ничего?

— А откуда ты знаешь, что я не пишу? Может быть, я пишу роман?

— Рассказывай! Где ж он?

— Чудачка, роман надо писать год, два. О Магнитогорске я писал полтора года. Подожди, напишу.

— И мы будем читать?

— Будешь.

Рис. Н. Рогова (тема А. Бузука)

Бузулук

— Только ты смотри, про меня чего-нибудь такого не напиши.

— Обязательно напишу!

— Что ты напишешь?

— Что ты малохолдная.

— Ну!.. — воскликнула она, покраснев, и хлопнула меня осторожно по плечу своей мужской по величине, но вялой рукой. — Сам ты малохолдный.

У нее потное пенсне. Потное и в подтеках. За его стеклами глаза катаются, как шарики. Если она что-нибудь хочет сказать, она никогда не говорит прямо. А всегда конфиденциально. Таинственно тащит за руку, подталкивает костлявым плотным плечом в соседнюю комнату, в коридор, в закоулок; если на дворе, — то за дом, за скирду; отводит от других, таинственно шепчет:

— Иди я тебе... скажу. Тебе нравится агиткомбайн?

— Нравится.

Она тяжело вздыхает.

— Нет, верно, что нравится?

— Верно.

— А почему он тебе именно нравится?

— Потому, что он хороший.

Она долго смотрит в глаза, потом застенчиво фыркает, стучает по плечу и говорит:

— А ну тебя совсем! От тебя никакого толку не добьешься. Я уж на тебя не надеюсь!

Все же агиткомбайн у нее вышел на-явь. Весь в картинках, в портретах, в флажках. Он в срок выехал в поле. Она отправилась на нем, сидя рядом с кучером, как хозяйин бродячей труппы. Потом в Днепропетровске она выхлопотала какую-то капеллу из 11 человек.

— Капеллу... Приедут артисты, — торжественно заявила она.

— Тут у нас писатель, тут у нас фотограф, тут у нас артисты, тут у нас скоро будет легковой автомобиль. Дела идут, контора пишет.

С «актерами» невероятная колбасня. Бузулук совершенно обезумела. Она их вызвала, они приехали. Теперь их надо расселить, кормить, возить, нянчиться с ними. Она совсем потеряла голову. Она, идеально бескорыстная, идеологически выдержанная, вплотную столкнулась со странствующей богемой. Картинка. Они ходят по МТС, разыскивают шамовку, просят хлеба, масла, требуют молока.

— Слушай, иди сюда. — Она заводит меня за угол дома и таинственно, отчаянно шепчет:

— Что мне с ними делать?

— С кем?

— С этими самыми. С этой капеллой, чтоб она провалилась!..

Но сама сияет.

— А что такое?

— Невыдержанная публика. Совершенно безыдейные настроения.

— А что такое?

— Все время кушать требуют.

— А ты как думала?

— Вот чудак. Я их вчера кормила, позавчера они так нажрались, что дай, боже. А сегодня, представь себе, опять требуют кушать. Я так думаю, — вчера подкормились, — сегодня могут подождать. Окончательно разложившаяся публика. Но я их перестрою. Ты увидишь, я их перестрою.

На территории МТС появились «артисты». Шел руководитель, пожилой вкрадчивый «арап» в стального цвета голостовке и тюбетейке. Он шел, как кот, к кладовой с запиской в руке. Вероятно, что-нибудь получить. Шел скрипач с футляром. Парочками гуляли девушки, так резко бросающиеся в глаза на фоне местного народа. Явно — приезжие.

На другой день Бузулук увезла их в поле. Они были долго в отсутствии. Бузулук держит их в таборе и, как видно, перевоспитывает. Как-то она появилась на час. Отвела в сторону, загородила от остальных и жарко зашептала:

— Понемножечку перевоспитываю. Во-первых, отменила костюмы. Зачем им в этих костюмах выступать? Пускай так, как есть, выступают. Во-вторых, переделала их репертуар. А то они вчера как начали спевать полтавскую старинную песню, так, представь себе, все бабы начали плакать. Те поют, а эти режут. Те поют, а эти разливаются. Ну, я это прекратила. Мне надо что-нибудь более бодрое, заряжающее, одним словом, на все сто. Правильно?

Я засмеялся.

— А ну тебя! — закричала она, махнула на меня рукой, как на окончательно погибшего, и исчезла.

В. КАТАЕВ

— Ваше величество, броненосец не на что строить: парламент отказал в средствах на вооружение...

— Пустяки, — стройте его тогда на средства, отпущенные парламентом на разоружение...

ПОДХОДЯЩИЕ МЫСЛИ

Пацифисты способны только на один вид протеста: когда милитаристы собирают армию, они распускают слюни.

Для буржуазных дипломатов война — это только перемена шелковой маски на газую.

Фашисты напоминают опытную кухарку, — они ежедневно готовят только одно блюдо — войну, но зато на разные манеры.

Не все суда перед боем выкидывают флаг. Некоторые офицеров.

Естественная тяга

— Правда, что иностранные капиталисты будут строить в Китае большую железную дорогу?

— Повидимому. Их в Китае уже давно на большую дорогу тянет...

Непредвиденное обстоятельство

— Капитан Чан Дай-даун! Где же наша полковая касса?

— Поддалась панике, ваше превосходительство: исчезла во время отступления.

На берлинском бульваре (Эмигрантский разговор)

— Скучные газеты нынче, Павел Петрович, — даже ни одного объявления хорошего нет...

— А вас какое объявление интересует? — Да преимущественно объявление войны СССР...

КЛАССИКИ О „КРОКОДИЛЕ В ВОЗДУХЕ“

(с примечаниями)

Г. ГЕЙНЕ

„Дитя, я обнимал твои ручки *)
И взором туманным следил,
Как прячется месяц за тучки **,*)
А в тучках летел „Крокодил“ (***)“

*) Распространенный способ ухаживания в первой половине XIX века.

**) Типичный пример дезертирства, тонко подмеченный поэтом.

***) Наша собственная строчка. Гейне тут ни при чем.

М. ЛЕРМОНТОВ

„На воздушном океане,
Без руля*) и без ветрил,**)
Тихо плавают в тумане**
На большом аэроплане
„Крокодил“.***)“

*) Неправда. И руль есть и пропеллер есть.

***) Это может быть.

****) Последних двух строк у Лермонтова нет. Очевидно, торопился и забыл написать.

ИЛЬЯ ИЛЬФ

Рисунки А. Раданова

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

Товарищ Сундучанский ожидал прибавления семейства.

В последние решающие дни он путался между столами сослуживцев и расслабленным голосом бормотал:

— Мальчик или девочка? Вот что меня интересует. Марья Васильевна! Если будет девочка, как назвать?

Марью Васильевну вопрос о продлении славного рода Сундучанских почти не интересовал.

— Назовите Клотильдой, — хмуро отвечала она, — или — как хотите. По общественным делам я принимаю только после занятий.

— А если мальчик? — допытывался Сундучанский. — Извините, я занята, — говорила Марья Васильевна, — у меня ударное задание.

— Если мальчик, — вмешивался товарищ Отверстиев, — назови в мою честь — Колей. И не пугайся здесь под ногами, не до тебя. Мне срочно нужно вырешить вопросы тары.

Однажды Сундучанский прибежал на службу, тяжело дыша.

— А если двойня, тогда как назвать? — крикнул он на весь отдел.

Служащие застонали.

— О, черт! Пристал! Называй, как хочешь! Ну, Давид и Голиаф.

— Или Брокгауз и Ефрон. Отличные имена. Насчет Брокгауза сказал Отверстиев. Он был остряк.

— Вы вот шутите, — сказал Сундучанский жалобно, — а я уже отправил жену в родовспомогательное заведение.

Надо правду сказать, никакого впечатления не вызвало сообщение товарища Сундучанского. Был последний месяц хозяйственного года, и все были очень заняты.

Наконец удивительное событие произошло. Род Сундучанских продлился. Счастливым отцом отправился на службу. Уши его горели на солнце.

«Я войду, как будто бы ничего не случилось», — думал он, — а когда они набросятся на меня с расспросами, я, может быть, им кое-что расскажу».

Так он и сделал. Вошел, как будто бы ничего не случилось.

— А! Сундучанский! — закричал Отверстиев. — Ну, как? Готово?

— Готово, — ответил молодой отец, зардевшись.

— Ну, тащи ее сюда.

— В том-то и дело, что не ее, а его. У меня родился мальчик.

— Опять ты со своим мальчиком! Я про таблицу говорю. Готова таблица? Ведь ее нужно в ударном порядке сдать.

И Сундучанский грустно сел за стол дописывать таблицу.

Уходя, он не сдержался и сказал Марье Васильевне:

— Зашли бы все-таки. На сына взглянули бы. Очень на меня похож. Восемь с половиной фунтов весит бандит.

— Три с четвертью кило, — машинально прикинула Марья Васильевна. — Вы сегодня на собрании будете? Вопросы шефства.

— Слушай, Отверстиев, — сказал Сундучанский, — мальчик у меня, во! Совсем как человек живот, ножки. А также уши. Конечно пока довольно маленькие. Может, зашел бы? Жена как будет рада.

— Ну, мне пора, — вздохнул Отверстиев. — Мы тут буксир один организуем. Времени, брат, совершенно нет. Клянись своей дочурке.

И убежал. В этот день Сундучанский так никого и не залучил к себе домой полюбоваться на сына.

А время шло. Сын прибавлялся в весе, и родители начали даже распускать слух о том, что он, якобы, сказал «агу», чего с двухнедельным младенцем обычно никогда не бывает.

Но и эта потрясающая новость не вызвала притока сослуживцев в квартиру Сундучанского.

Тогда горемыка-отец решился на крайность. Он пришел на службу раньше всех и на доске объявлений вывесил бумажку.

БРИГАДА

по обследованию ребенка Сундучанского начинается работа сегодня в 6 час., в квартире т. Сундучанского. Явка тт. Отверстиева, Кускова, Имянинен, Шакальской и Башмакова **ОБЯЗАТЕЛЬНА.**

В три часа дня к Сундучанскому подошел Башмаков и зашептал:

— Слушай, Сундучанский. Я сегодня никак не могу. У меня кружок и потом... жена больна... ей-богу!

— Ничего не поделаешь, — холодно сказал Сундучанский, — все загружены. Я, может, тоже загружен. Нет, брат, в объявлении ясно написано: «явка обязательна»...

С соответствующим опозданием, то-есть часов в семь, члены бригады, запыхавшись, вбежали в квартиру Сундучанского.

— Надо бы поаккуратнее, — заметил хозяин, — ну, да ладно, садитесь. Сейчас начнем.

И он вкатил в комнату коляску, где, разинув рот, лежал молодой Сундучанский.

— Вот, — сказал Сундучанский-отец. — Можете смотреть.

— А как регламент? — спросила Шакальская. — Сначала смотреть, а потом задавать вопросы? Или можно сначала вопросы?

— Можно вопросы, — сказал отец, подавляя буйную радость.

— Не скажет ли нам докладчик, — спросил Отверстиев привычным голосом, — каковы качественные показатели этого объекта.

— Можно слово к порядку ведения собрания? — перебила, как всегда, активная Шакальская.

— Не замечается ли в ребенке недопотолстения, то-есть недоприбавления в весе? — застенчиво спросил Башмаков.

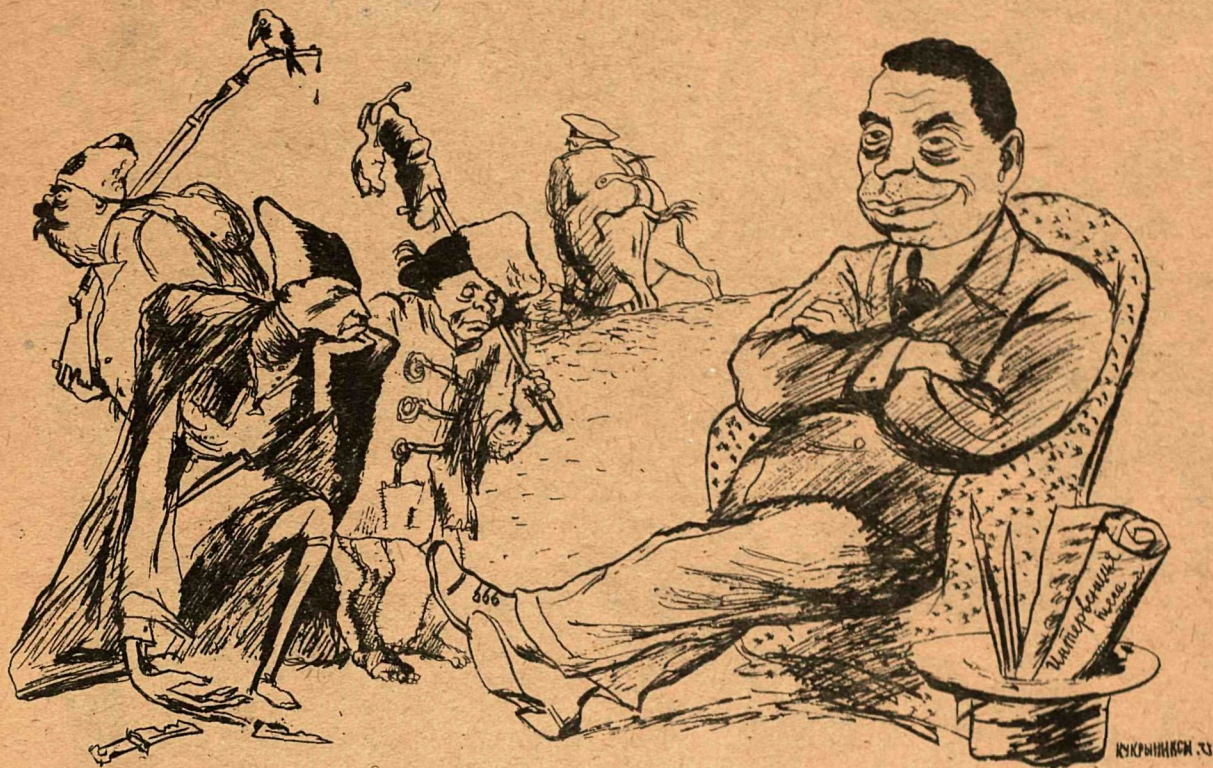
И машинка завертелась. Счастливым отцом не успевал отвечать на вопросы.

ЕДИНСТВЕННАЯ

(Дружеский шарж)

Рис. Курьиниковы (тема Я. Бельского и А. Бухова)

СЛАВИН: — А все-таки из всех интервенций моя „Интервенция“ — единственная, которая имела успех в СССР.

О ПЕРВОМ И СЛЕДУЮЩИХ

В редакции «Крокодила» было шумно и многолюдно. Технический редактор сидел за столом, скорбно, спасая отгиски набора и рисунков от шляп, рук и щедро опрокинутого кем-то клея. В глазах у него теплалась слабая надежда на то, что окружившие его сотрудники в конце концов уйдут спорить в другую комнату и дадут возможность работать. Надежда, повторяем, весьма слабая, потому что спор только что загорелся.

— Легче убедить ломовую лошадь, чем тебя, — кричал секретарь редакции, прижав в угол хрупкого поэта, — неужели ты думаешь, что стоит только появиться «Крокодилу — авиации», и сейчас же полюбят пожертвования?

— А ты думаешь, — мрачно защищался поэт, — что должно пройти не меньше двух лет, прежде чем читатели раскачаются? Позвидному, ты такого же скверного мнения о читателях, как я о тебе.

— Ах так, — язвительно добавил секретарь, — может быть, ты убежден даже в том, что еще до выхода номера найдутся люди, которые...

В комнату вошел незнакомый посетитель и скромно спросил:

— Могу я видеть секретаря редакции?

— Погодите, товарищ, — отмахнулся секретарь, — у нас тут принципиальные споры... Так ты уверен, что без всякой подготовки в газетах, без длительной пропаганды...

— Уверен. Выйдет номер, и на завтра же на наш аэроплан понесут деньги.

— Кстати, — вставил незнакомый посетитель, — раз вопрос зашел о деньгах...

— Погодите, товарищ, — перебил его поэт, — одну минуту... Так вот я говорю, — есть у нас среди читателей такие друзья...

— Кстати, — снова осторожно вставил незнакомый посетитель, — о друзьях-читателях... Дело в том, что целая группа...

— Что ему надо? — шопотом спросила у секретаря технический редактор, — может, он тоже хочет сесть ко мне на стол, разбросать мои вырезки, пролить вторую банку клея...

— Ну, в чем дело, товарищ, — обернулся к посетителю секретарь. — В чем дело?

— В деньгах, — скромно ответил посетитель.

— В каких?

— Вот в этих, — посетитель вынул конверт из бокового кармана, — в ста двадцати рублях.

— От кого?

— От друзей-читателей.

— На что?

— На аэроплан «Крокодил».

— Не может быть? Ведь еще даже номер не вышел...

— Ну, так что же. Достаточно, что объявление о нем уже было.

— И это вы собрали по одному только маленькому предварительному объявлению?

— Именно. Фамилия моя Загрицкий. Я корреспондент Роста в Западносибирском крае, а деньги собраны после митинга в железнодорожных мастерских. Что передать пожертвовавшим?

— Горячее товарищеское спасибо от редакции «Крокодила».

Все, что здесь передано, — подлинная правда. Мы надеемся, что эта сцена в редакции после выхода в свет «Крокодила — авиации» повторится еще не раз. Мы надеемся, что почтальоны будут ежедневно подолгу выгружать из объемистых сумок повестки о присланных на аэроплан «Крокодила» пожертвованиях. Имейте в виду, что в Москве, в Октябрьском отделении Госбанка имеется:

ТЕКУЩИЙ СЧЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПРАВДА“ ЗА № 102,

на который вы можете посылать свои пожертвования с обязательной надписью: на аэроплан «Крокодил». Чем больше, тем лучше, но и самому маленькому жертвованию такое же почетное место в дружеском списке, как и самому большому.

Итак, товарищи:

За постройку самолета-гиганта им. Максима Горького!

За «Крокодил в воздухе»!

Первые деньги внесены. Чьи следующие?

Фамилии отдельных читателей и организаций, внесших свой взнос на постройку аэроплана «Крокодил в воздухе» будут опубликованы в очередных №№ «Крокодила».

ПОСТРОИМ

Я Г И Т
САМОЛЕТ
ГИГАНТ
МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

10к.

Мы полетим!
И в беге быстрых лет
Полет наш будет удивительным.
Но в будущее радостный билет
Без этой марки —
недействителен!

ВЫРЕЖЬ И СОХРАНИ

Товарищу

Москва, октябрь 1933 г.

«Крокодил» благодарит тебя за первый взнос на его аэроплан, внесенный покупкой специального выпуска «Крокодил в воздухе». Твои деньги уже переданы на строительство аэроплана.

«Крокодил»

ЭНТУЗИАСТ АВИАЦИИ

— Ах! Самолеты, легкие, как осы... Я так люблю победный их полет!

Что? Здесь на самолет собирают взносы? Да очень нужен мне ваш самолет!

В. К.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка, одолев московских улиц давку,

Вошла в оптическую лавку

И стала выбирать очки.

Она завыла от топки,

Бесплодно стекла подбирая.

И рывнула, терпение теряя,

Неожиданный обнаружил бас!

«И стекла же у вас!»

Скажете, в чем тут дело?

Очки я не на хвост, а на нос их

надела,

Примерила очков я овыше ста,

А все ж не вижу ни черта!

Перебирая их, я от досады

взмокла

Оконные у вас в оправе, видно,

отклап!

Мой вывод будет прост!

Пресловутые очки. Их качество —

плохое.

И на нос надевать — занятие

пустое.

Их надо надевать — на хвост!..»

М. ПУСТЫНИН

Ответственный редактор М. МАНИУЛЬСКИЙ
Редакция: Я. БЕЛЬСКИЙ, М. МАНИУЛЬСКИЙ,
Л. МИГНИЦКИЙ
Звездующий редакцией И. АБРАМСКИЙ
Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 48
Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Формирование Л. Бродаты. Журнал набран и отпечатан на 2-й тип. изд. ЦК ВКП(б) „Правда“. Фотомашины — П. Милков. Репродукция под руководством Г. Жинеркина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Зав. печат. отд. — А. Давыдов.

— Положение скверное, генерал, придется идти за банк!
— Уже, ваше превосходительство, и в английский и в американский ходили, и в обоих отказывают...

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

Мы хотели закончить этот номер небольшим стихотворным призывом, но в срочном порядке не могли придумать рифму к слову „в воздухе“. Очень трудно. Воздух — звездах, гнездах, роздых — это легко, а вот к „в воздухе“ — прямо невозможно. Поэтому кончаем номер честной прозой:

— Товарищи! Аэроплан „Крокодил“ должен быть построен и войти в эскадрилью имени М. Горького.

Возражений нет? Воздержавшихся тоже? Принято единогласно.

Что нужно делать дальше, — догадайтесь сами.
Для тех, кто уже догадался, сообщаем адрес:

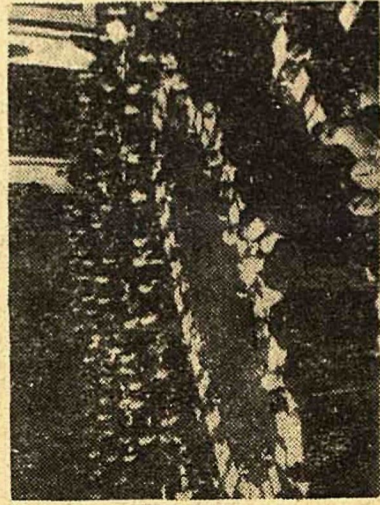
Москва, Октябрьское отделение Госбанка, текущий счет № 102 издательства ЦК ВКП(б) „Правда“, **НА ПОСТРОЙКУ АЭРОПЛАНА „КРОКОДИЛ“.**

А мы передадим собранные средства Всесоюзному комитету по постройке самолета-гиганта и агитэскадрильи им. М. Горького.

РОСТ „РАЗОРУЖЕНИЯ“ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

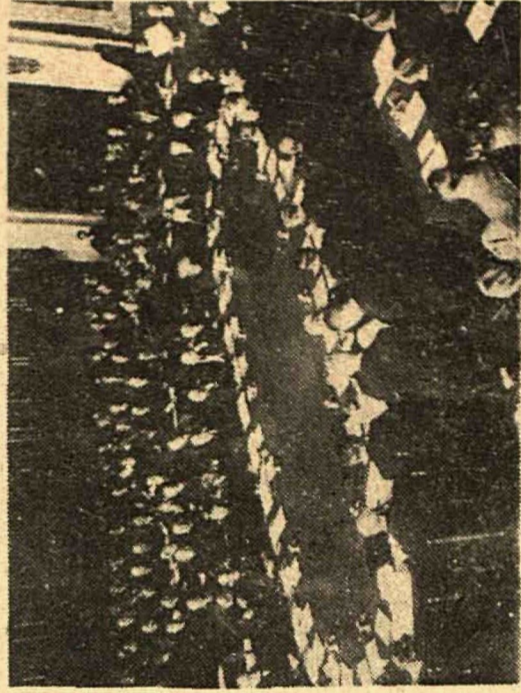
(Диаграмма „Крокодил“)

19 → 23

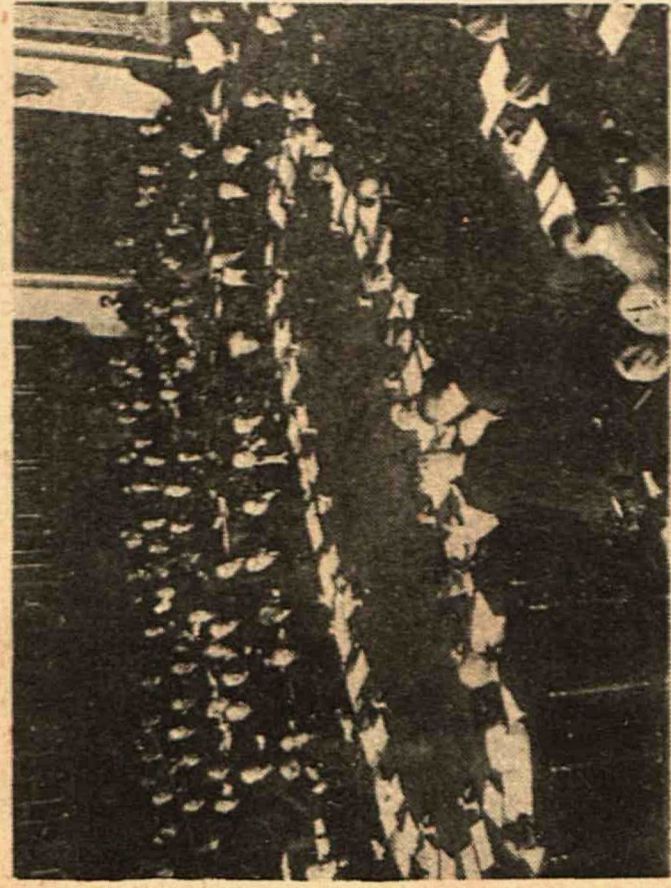
Заседание совета Лиги наций по разоружению в 1923 г.

19 → 28

То же самое, но в 1928 г.

19 → 30

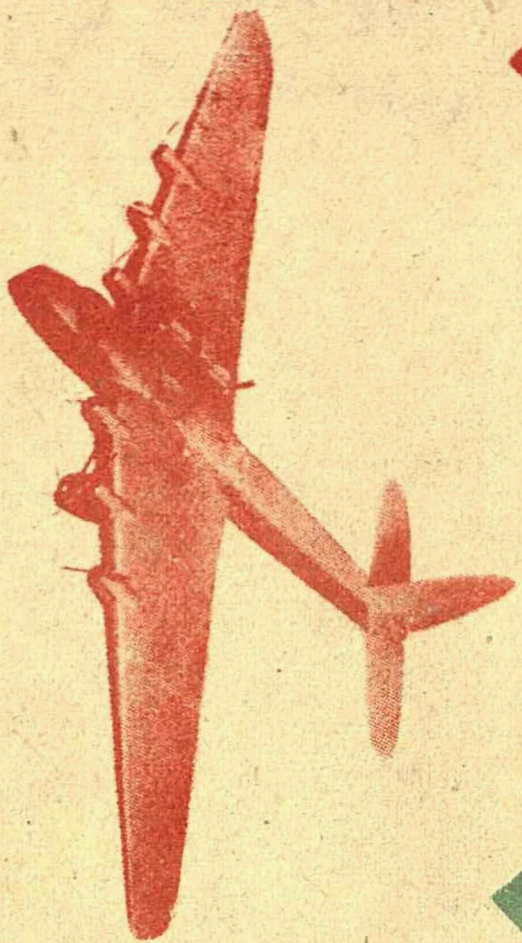
То же самое, но в 1930 г.

ПРИМЕЧАНИЕ: Мы хотели дать снимок миротворческих заседаний 1933 года, но формат журнала, к сожалению, нам этого не позволил. Кстати, эта же диаграмма одновременно точно фиксирует рост капиталистических вооружений с точностью до одного броненосца.

АВИАЦМИ

АВИАЦМИ

ДОРОЖИ

АВИАЦМИ

АВИАЦМИ

ЦЕНА ВЫПУСКА 1 РУБЛЬ